

ЮБИЛЕЙ

НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ: СОФИЯ-ПРЕМУДРОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (к юбилею профессора Ирины Владимировны Дмитревской)

В конце концов, смешаются все классы,
вырастет новая интеллигенция;
наше дело для нее сохранить высоту.

С. М. Волконский

В первый год горбачевской перестройки волею судеб оказался в Японии — стране более чем загадочной и необъяснимой для того еще полностью советского времени. На одной из экскурсий гид, достаточно хорошо говоривший на русском, спросил о том, где я работаю. Ответ — «преподаю философию в университете» — поверг собеседника в полное удивление: «Разве можно преподавать философию таким молодым? Все наши университетские преподаватели в почтенном возрасте!» Об этом вспоминаю часто сейчас, когда образовательная реформа вымывает из числа преподавателей самых бескорыстных хранителей мировой мудрости. Самый главный человеческий потенциал общества — это мудрые люди. Еще бы их слушали наши современные эффективные менеджеры, превращающие будущее мира в эгоистические финансовые потоки.

Три четверти века для философа — состоявшаяся зрелость. В этот период рождается новая формула человеческого бытия, когда материальное и волнующее уходит на второй (и даже третий) план, и остается *чистое бытие*, то бытие, которое можно было бы назвать «открытая везде-вечность». Человек приучается жить во всеобщем универсуме — универсуме мира и знаний.

По большому счету, человек не всегда знает, что он живет не просто в третьем мире К. Поппера — объективном мире знаний, он живет в «тридцать третьем мире» (который в сказках называют «тридевятым царством» или «тридесатым государством»): мире, в котором, размышляя о А. Чехове, можно усадить знаменитого писателя на краешек дивана и пообщаться с ним как с хорошо знакомым человеком, который неожиданно пришел в гости; когда думая о мыслесплетениях М. Павича, становишься соавтором живого понимаемого и постигаемого текста; когда Л. Толстой или Ф. Достоевский

вдруг оказываются под одной обложкой, как если бы они сидели за одним столом вместе с Вл. Соловьевым и вели беседы о человеке в его самых высочайших и самых низжайших проявлениях.

Жизнь в ноосферном пространстве и времени («пространстве-времени» или даже просто «времяпространстве») — это действительно современное реальное экзистенциально-персоналистическое событие. Чем сложнее человек, тем сложнее его бытие; даже когда современное огосударствленное общество пытается «поймать человека», «включить его в свою систему», заручить его малыми и большими соблазнами, человек может повторить вслед за классиком жизни в «езде-вечности» — «мир ловил меня, но не поймал». Нет ничего сложнее такого поступка: за этим «отказом от» может стоять не только неизбежность ухода из вуза из-за нежелания ставить липовые оценки детям людей «с рубильниками в руках», но и самозабвенная бескорыстная работа над научной проблемой и издание за свой счет монографий и учебников, по которым учатся понимать жизнь сотни людей. Не зависеть от обстоятельств трудно было и в советское время (тогда можно было просто держать «фигу» в кармане для власти, но делать свое дело), но сейчас формула духовного выживания носит самые экстремальные формы: море знаний покрыто либо пеной, либо нефтяной плёнкой — нынешнее время предполагает не экологию духа или экологию культуры, а только технологию поведения эффективного потребителя. Между духовным, антропологическим и материальным производством образовалась пропасть, которая вполне описывается словами — «молодежь жалко, что они с ними делают».

Советский интеллигент, живущий в постсоветское (и даже в постпостсоветское) время, — феномен поразительный по своей сложности: самое простое, что можно было бы сказать про него — советской интеллигенции больше нет, закончилась даже ее «золотая осень». В действительности это совсем не так: российская интеллигенция предреволюционной поры оставила для новой советской интеллигенции и «клады» и «схроны». Как показывает история, все эти письма дошли до адресата; вот так и современная «советская интеллигенция» оставляет наследство, на которое пока еще нет спроса. Что же это за качества «вечной интеллигенции»? Неистребимая радость жизни и полнота ответственности, великое дружелюбие и бескорыстная помощь, простота в общении и открытая искренность, несгибаемая воля и глубочайший профессионализм, светлый дух

и прозрачность чувств, возрожденческий гуманизм и неподдельное личное достоинство, умение не щадить себя и защитить слабого, простая самоотверженность и разумный аскетизм.

Человеческое качество интеллигенции порождается прямой передачей от человека к человеку особых программ поведения, общения, мышления и понимания. Эти программы есть, конечно, и в книгах, и в статьях, но истинность их обнаруживается только в непосредственном взаимодействии людей при сопутствующих уникальных обстоятельствах. Майкл Полани был бесконечно прав, когда говорил о «личностном знании»: именно оно — неотъемлемая сторона великой интеллектуальной (ноосферной) истории человечества. История регионального интеллигентского сообщества — еще не написанная история, но ее востребованность ощущается все больше и больше. Только сейчас понимаешь, как велика сила воздействия простой человеческой мысли в нормальном просторном обществе и как много могло сохраниться, но ушло безвозвратно, ибо не осталось в аудио или видео формах. (Современному «учащемуся сообществу» в этом смысле повезло — интернет пестрит огромным количеством визуальных лекций, обширных аудиозаписей и прекрасных цветных фотографий.)

Современный человек либеральной российской эпохи — эпохи бессмысленного потребления и бесконечных эгоистических амбиций — по своим собственно человеческим качествам оказывается значительно ниже, чем советский человек вечного дефицита, вынужденный волею «руководящей и направляющей силы» кормить, одевать и защищать полмира (социалистическое интернациональное сообщество). Эпоха простого народного аскетизма, доставшаяся послереволюционной стране справедливости и образования, оказалась прообразом современного общества знаний — самая читающая и самая дерзновенная (и может быть самая трагическая в XX веке) страна получила самое демократическое народное сознание, основы которого были заложены в культурно-усадебный век российской истории, обрела противоречивое интеллигентское сознание, смысл которого для будущей (не современной) России нашим обществом пока еще не осознан. Но придет время, когда интеллигентский и интеллектуальный труд ушедшей в прошлое советской интеллигенции выйдет на поверхность, а может быть станет и той нормой, которая делает страну соборной и общенародной.

Григорий Смирнов